

НЕПОСТИЖИМАЯ ГЛУБИНА ЛИЧНОСТИ

К 80-летию со дня рождения историка и публициста, просветителя России конца XX столетия Вадима Валериановича Кожина (1930-2001)

Отрадно видеть, наконец, имя Вадима Валериановича Кожина в "Новом энциклопедическом словаре" (М., 2006 г.) и в энциклопедическом словаре "Отечество" (М., 1999 г.). Во всех предшествующих справочных изданиях советского образца его имя еще не упоминается.

Имеются все основания считать Кожина не только выдающимся критиком-аналитиком литературы, не только её теоретиком, но и крупнейшим методологом, одним из основателей подлинно научной, освобожденной от стереотипов позитивизма и вульгарно-социологических искривлений, "школы" историко-социологического познания как литературно-художественного, так и исторического пространства.

Какие же ключевые методологические задачи ставит и решает Кожин? Овладесть культурным богатством, завещанным нам предтечами, достичь того высочайшего уровня художественного творчества, коего они достигли, приведя в изумление весь мир. Ведь ни один современный писатель, деятель культуры и искусства еще не превзошел ни Толстого, ни Достоевского, ни Шолохова, не говоря уже о гениальном Пушкине. Исследования Кожина объективно ориентированы на постижение корневых проблем русской жизни, исконных национальных традиций, вековой опыт народа, его высочайшую нравственность, духовность, культуру, эстетику, веру.

В. Кожин стоит у истоков новой, антипозитивистской методологии литературно-художественного познания, которая решительно боролась и борется против вульгарно-социологического истолкования литературы и многовекового опыта русского народа. Ученый завещал нам заниматься не просто познанием истории, но историсофией, т.е. развитием факта во времени, при котором только и открывается его смысл во всей полноте.

В самом деле, русская литература от "Слова о полку Игореве" до "Тихого Дона" имеет историческую основу, но к ней абсолютно не сводится, хотя это и дает повод рассматривать ее лишь с точки зрения исторической. Но, как известно, там, где историк завершает свой научный поиск, своё дело литератор только начинает.

Кто бы нынче знал о походе князя Игоря весной 1185 года, кроме историков, если бы не знаменитое "Слово о полку Игореве"?.. Ведь есть два обширных летописных описания этого похода; читай их и толкуй, как хочешь, а "Слово..." — то тут причём? Оказывается, в "Слове..." есть то, чего никакая история не дает, — дух русского народа, то, что принято называть национальной идеей. Но, увы, ни этот дух, ни эту возвышающую идею ученые умы зачастую не осмысливают, а сводят изучение "Слова..." (да только ли "Слова...") к голому позитивизму: то, нещадно дерясь друг с дружкой, заняты тщетным поиском автора величайшего памятника русской словесности, то с непостижимой дотошностью определяют маршрут похода князя Игоря, — лишь бы уйти от главного — неподражаемой духовной мощи, которая в поэме не просто есть, но составляет её генеральный смысл и пафос.

Последователи животворных идей Кожина сегодня, конечно, есть, их немало. Убедительное свидетельство тому — наши, ставшие традиционными кожиновские конференции. Однако подлинно научная методология антипозитивизма еще не стала в науке доминирующей, больше того, она по сей день испытывает удары судьбы порой не меньше, чем это было в минувшем веке.

В. Кожин неизменно был в центре беспощадной борьбы двух антагонистических иде-

ологий — национально-патриотической и космополитической. Борьба эта, как известно, продолжается, и конца ей пока не видно. В работе Кожина "Судьба России: Вчера, сегодня, завтра" отмечено, что борьба эта началась не вчера, ей в России уже почти триста лет, начало положено в первой половине XVIII века — с петровским "пробитием окна в Европу" и засильем "дикого, медвежьего угла" "просвещенными, цивилизованными" немцами...

Неостановимая революционность "неистовых ревнителей" начала прошлого века, главным симптомом которой была озлобленная русофобия, жажда ниспровержения всех и всяческих национальных святынь, сменилась не менее рьяной, воинственной антиреволюционностью приверженцев либеральной "демократии", захваченных столь же болезненным русоненавистническим синдромом, навязывающих нам так называемые "общечеловеческие ценности" в ущерб осознанию нами собственной этнической, исторической и культурной неповторимости.

В. Кожин отчетливо видел: радикальный революционизм законодателей от искусства сменился в годы "перестройки" агрессивной космополитизма, но действующие-то Геростраты остались прежние!.. Реализация космополитической, антинациональной идеологии приводит к концу XX века к грубому наступлению на моральные ценности человеческой цивилизации, накопленные ею в ходе своего исторического развития. Иначе говоря, Кожин указал на опасность либерализма во всем мире, всечеловеческом масштабе, ибо мишенью последнего стали исторически сложившиеся общности, национальные культуры, сфера знаний и сознания человека...

Необычайно актуальными и научно перспективными представляются проблемы изучения творческой эволюции В. Кожина и эволюция восприятия во времени его трудов. Уже в 30 лет, молодым ученым, он выпускает фундаментальные "Виды искусства" (1960 г.), а тремя годами позже — концептуальное "Происхождение романа" (1963 г.). Печатает целую серию исследовательских статей о литературе России и Европы: "Критика как часть литературы", "О литературных традициях", "Об эстетике авангардизма в России", "Искусство слова как ценность", "О принципах построения истории литературы", "Русская литература и термин "критический реализм"...

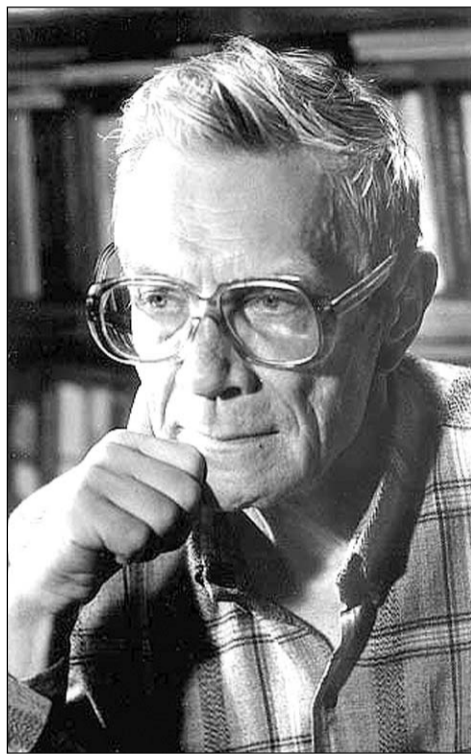
Всё не случаен переход Кожина в зрелом творческом возрасте от анализа собственно литературы к отечественной истории ("Загадочные страницы истории XX в.: "Черносотенцы и революция", 1995 г.; "История Руси и русское Слово". — 1996 г.; "Судьба России: Вчера, сегодня, завтра" — 1997 г.; "Россия. Век XX. От начала века до загадочного 1937 г." — 1999 г.).

...10 мая 1991 года В. Кожин выступал в Тверском госуниверситете. Вот как он объяснил причину своего увлечения отечественной историей: "Литература — это та область, которая позволяет выражать себя более свободно. Но литература это и бытие жизни. Через литературу я начал приходить в жизнь. Литература изначально в России играла важную социальную роль. Но я от "чистой" литературы ушел. Почему? Современность — это ведь тоже история. То, что произошло вчера, — это уже история. История — это, можно сказать, все".

Следом, в 1977 году, идет не менее важная статья "Русская литература и термин "критический реализм", в которой озвучено важнейшее методологическое утверждение, не только ниспроверженное, но и утраченное сегодня, но приобретенное еще большую научную актуальность: "Наиболее же

печален тот факт, что абсолютизация критического реализма заставляет читателей начиная со школьных лет высказывать в русской классике "специализацию" на "отрицательных явлениях жизни", между тем как величие отечественной литературы зиждется прежде всего на глубоком художественном освоении человеческих и народных ценностей, и в частности на создании образов героического и трагедийного склада.

Причем это в равной мере характерно для писателей самых разных идейных убеждений — Герцена и Аксакова, Некрасова и Тют-

чева, Чернышевского и Лескова, Глеба Успенского и Толстого, Тургенева и Достоевского. Я отнюдь не хочу сказать, что в русской классике не было мощной критической, отрицающей стихии. Но я никак не могу согласиться с тем, что эта стихия преобладала и определяла природу русского искусства слова".

Не исключаю того, что благодаря оздоравлиющему кожиновскому влиянию наши авторитетные "почвеннические" журналы, прежде всего "Наш современник", "Москва", "Молодая гвардия" обратили взор читателя в 1960—70-е годы на многие прекрасные имена русской литературы, доселе не попадавшие в сонм классического наследия отечественной словесности из-за своего противостояния "критическому реализму". Да и сам термин "критический реализм" получил у Кожина созидательную окраску, иной, не "разрушительный", нежели у Л. Тимофеева и прочих неистовых социологизаторов истории литературного процесса, смысл.

В этой связи В. Кожин удивительно смело, энергично и уверенно "спасает" великого Пушкина от экспансии наших доморощенных позитивистов-вульгаризаторов. "Реализм Пушкина отнюдь не "критический", — пишет Кожин. — Это реализм ренессансной природы. Причем дело идет, конечно, не только о Пушкине, как некоем уникале, но и обо всем современном и предшествующем ему развитию русской литературы".

Больше того, к чести В. Кожина, он первым называет эпоху развития русской литературы от Петра I до Пушкина "эпохой русского Возрождения ренессансного реализма",

с чем вынужден согласиться даже его оппонент, мэтр литературоведения тех лет, неизвестный Леонид Иванович Тимофеев. К слову, давно требует изучения мастерство Кожина — блестящего полемиста, для которого неизменно на первом месте стоит правда науки, а не самодовольная маститость каких бы то ни было твердокаменных авторитетов...

Вадим Кожин — мыслитель-провидец. Его труды не только органично сопрягают настоящее с прошлым, выводят настоящее из прошлого, но и пророчат нам будущее, предсказывают те драмы и трагедии, что ожидают Россию, если не будут предприняты реальные дела национального спасения и сплочения.

Нынче в общественное сознание, как и на заре XX века, в пору всепогружающей ломки в жизни и эстетике и пренебрежительного отношения к "изжившему себя" реализму, активно внедряется идеология космополитического нигилизма, выдаваемая за якобы "новое" слово в науке и искусстве. За точку отсчета нередко берется "методология" ниспровержения наших национальных святынь, выступающая под флагом некоего "обновленного сознания", "новаторского прочтения", "переосмысления замшелых консервативных традиций" и прочих псевдонаувадий.

Между тем, как писал В. Кожин, никаким "обновлением" тут и не пахнет: так уже было в 1920-х годах, когда горячие невежественные головы, взбудораженные ажиотажем революционной "перестройки", дискредитировали духовное наследие прошлого, низвергли с пьедестала гениальные имена и творения, предавали анафеме тысячелетние крестьянские и православно-христианские устои, выкинули вон бесценное наследие "классово чуждой" дворянской культуры, оголтело ратуя за создание пресловутой "чистой пролетарской культуры". "Неистовые ревнители" — "пламенные революционеры" ничтоже сумняшея "сбросили с парохода современности" классиков, а Л. Толстого и Достоевского обвинили в "антиреволюционности", религиозном мракобесии и мистике... Так уже было, было, было!.. И недурно бы нам, прислушавшись к голосу Истории, поднабравшись векового поучительного опыта, извлечь полезные уроки, поставив жесткий заслон все разрушающему нигилизму и антинациональным выпадам.

С уверенностью я позволю себе утверждать: при всём своеобразии творческого самосознания В. Кожина является центральным, стержневым деятелем-мыслителем современной духовной культуры, как Бахтин, Палиевский, Скотов — в филологии, Георгий Свиридов в музыке, Вячеслав Клыков в скульптуре, Борис Рыбаков в исторических науках, Илья Глазунов в живописи...

Глубинное постижение национального духа народа, который пытаются заглушить, замутить, либо вообще перечеркнуть, объявляя его выражением "провинциальности", или, что еще хуже, воинствующего национализма, — вот что главное, ключевое, по мысли Кожина, является подлинным критерием творческого поиска и важнейшим методологическим принципом понимания этого поиска.

На пределе острой полемической заостренности Кожин поднимает знамя русской национальной эстетики, которая, по его мнению, значительно глубже и выше насаждавшегося повсеместно пресловутого "классового подхода", ибо литература, искусство, сама жизнь немислимы вне народной-национальной почвы. "Идеологии преходящи, а нации вечны", — как мудро заметил Шарль де Голль.

Владимир ЮДИН,
г. Тверь

"СПАСИБО ЗА ДОСТАВЛЕННУЮ РАДОСТЬ"

ператора Александра III и Императрицы Марии Федоровны, сестры святого Царя страстотерпца Николая II, 30 августа 2010 г. завершила свою работу в г. Одиноце Московской области. Экспозиция была подготовлена Благотворительным фондом имени Е.И.В. Великой Княгини Ольги Александровны и приурочена к грядущему 400-летию Дома Романовых.

Выступая на закрытии и обращаясь к собравшимся, председатель фонда Ольга Николаевна Куликовская-Романова, в частности, сказала:

"Дорогие друзья! Позвольте обратиться к вам именно так: "Друзья!" Поскольку за то время, что продолжалась выставка "Августейшая художница" на оединцовской земле мы успели не только лучше узнать друг друга, но и, смею ду-

мать, подружиться. Лишним свидетельством возникших между нами теплых отношений стала просьба жителей города продлить экспозицию на месяц. На что я с удовольствием согласилась. Выражаю благодарность гостеприимной хозяйке этой прекрасной арт-галереи Ирине Владленовне Долиной, что и она откликнулась на просьбу горожан.

Нашему сближению способствовали и мои постоянные встречи с гостями выставки. На них звучал не только мой монолог. Под впечатлением яркого искусства Великой Княгини посетители раскрывали все богатство своей души. Они хотели узнать, как можно больше о жизни и творчестве не только "багрянородного художника" Ольги Александровны, но и других Членов Династии Романовых. Между мной и посетителями завязывался взаимно-

полезный диалог. Так Царская Россия встречалась с Россией современной, устремленной в будущее...

Личное внимание к выставке главы района Александра Георгиевича Гладышева, других представителей областных и местных властей в очередной раз подчеркнуло, какое большое внимание уделяется в современной России опыту державного строительства прошлых поколений. А искусство, тем более представителем Императорской Фамилии, служит одной из нитей, которая и обеспечивает преемственность поколений. Это тем более важно, что страна вступает в период подготовки к празднованию 400-летия Династии Романовых. Хочется верить, что этому событию будет придан общегосударственный статус.

Завершившаяся выставка "Августейшая художница" полностью выполнила свои задачи. И самое главное — искусство Великой Княгини, как всегда, принесло радость людям. Всем, кто вместе помогал нести эту радость одиночкам, и всем, кто разделил ее вместе с нами — огромное спасибо! Экспозиция теперь отправляется в новую дорогу. А мы, уверена, продолжим нашу дружбу. До новых радостных встреч!"

Лучше всего впечатления от выставки отражают записи посетителей в книге отзывов. Есть среди них отставленные не только одиночками, но и жителями Орла, Бреста, Астаны, Молдавии и других мест. Восторженные отзывы ценителей прекрасного — лучшее свидетельство нужности и полезности выставки "Августейшая художница". Впереди ее ждут новые города и страны.

Андрей ХВАЛИН
http://www.rusline.ru/news_11

Выставка художественных работ Е.И.В. Великой Княгини Ольги Александровны — младшей дочери Им-